

Елена Колина

ДНЕВНИК
ИЗМЕНЫ

Дневник новой русской

Елена Колина

Дневник измены

«Вимбо»

2010

Колина Е.

Дневник измены / Е. Колина — «Вимбо», 2010 — (Дневник новой русской)

ISBN 978-5-00224-554-3

Собственная душа кажется нам такой сложной, такой многогранной, как мозаика в калейдоскопе, полной нюансов. Не то что у других людей – у них-то, как на полке, аккуратной стопкой уложены несколько простых мотивов, и все. С ними все ясно, а вот наши побуждения то и дело понимают совсем не правильно!.. «Дневник измены» Елены Колиной – на самом деле не один дневник, а сразу несколько. Две пары независимо и тайно друг от друга меняются партнерами – все изменяют всем. Эту трагикомическую коллизию каждый участник описывает со своей точки зрения. Те, кто читал «Дневник новой русской», узнают главную героиню – неунывающую преподавательницу психологии из Петербурга. Однако роман «Дневник измены» – отдельная самостоятельная история. Обаятельная, легкая и духоподъемная, как всегда у Елены Колиной, история о том, почему мы изменяем, и как трудно нам бывает понять друг друга.

ISBN 978-5-00224-554-3

© Колина Е., 2010

© Вимбо, 2010

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Колина

Дневник измены

Иллюстрация: Юлия Стоцкая

© Елена Колина

© ООО «Вимбо»

Дорогие читатели. Знаете, почему героиня решила начать вести Дневник?

А нипочему. Просто ее никто не понимает, – по-моему, это достаточная причина, разве нет? Думаю, и других людей никто не понимает. Пусть тоже ведут дневники.

Я только хочу сказать одну вещь. То есть предупредить. Как только напишешь Дневник, читатели обязательно спросят: а что, героиня Дневника – это вы? То есть я.

– Это все про вас? – спросит меня какой-нибудь читатель. Он будет симпатичный.

– Боюсь, что нет, не про меня... – вежливо отвечу я.

– А чего тогда боитесь-то, если не про вас? – резонно скажет читатель.

Он будет высокий, широкоплечий, в модных тонких очках, мне нравятся мужчины в тонких очках, это придает им интеллектуальный шарм... а-а, ну да, это я просто немного увлеклась. Но ведь очки действительно придают интеллектуальный шарм и... ох, простите, опять немного увлеклась.

Так я хочу заранее сказать – это не я. И все остальные персонажи тоже не я. И все, что с ними происходит, – не про меня. За некоторые вещи, которые произошли с героиней, мне стыдно. Глупо, ведь это же не про меня...

Дорогие читатели. То, что вы думаете, – это неправда. Что самое интересное происходит до свадьбы... ах, романтическая встреча, ах, принцесса нашла своего принца. Взять, к примеру, сказки – в конце бывает свадьба и все. А ведь все самое увлекательное происходит после свадьбы – вся эта рутина, мучительный вопрос «как жить с этим человеком», – ну, с тем, который принц. Самое интересное нам не рассказывают – это общая тенденция.

А героиня Дневника расскажет.

Теперь насчет измены. Все думают, – ах, этот сюжет уже был. Но когда это с нами происходит, не важно, мы изменяем или нам изменяют, оказывается, что измена – это совершенно новый, оригинальный сюжет.

В Дневнике все – правда, иногда эта правда немножко не всерьез, чтобы жизнь выглядела как будто отражение в смешном зеркале. Как будто мы в комнате смеха. Иначе получается слишком уж серьезно и грустно, – измена все-таки, а я так не хочу. Хочу, чтобы жизнь героини Дневника была повеселей, и жизнь всех остальных чтобы тоже была повеселее.

Те, кто читал Дневник новой русской, узнают героиню, и им будет это приятно. Не думайте, что автор – дневниковый маньяк. И что автор ведет Дневник, так сказать, – э-э... для денег. Ничего подобного, он ведет Дневник для гонорара. А также по многочисленным просьбам читателей, о которых автору сообщают его издатели. По их словам получается, что читатели ночами не спят, только мечтают, как бы им прочитать «Дневник-3», «Дневник-4»... «Дневник-78». Я не такая дурочка, чтобы в это поверить. С другой стороны – а что, если дорогие читатели действительно хотят знать, как героине живется замужем и как вообще дела?..

...Знаете, эта бедная героиня Дневника, посреди других персонажей она немного как будто... как будто она в заячьем хвосте и ушах самозабвенно скачет на светском приеме, который приняла за маскарад. Но это отнюдь не маскарад, а светский прием, и все остальные гости в вечерних платьях, все, кроме этой дурочки. Но ведь она не знала, что все это не карнавал в заячьем хвосте и ушах, а по-настоящему...

«Бывают разные виды любви», – сказала толстая девочка Женя.

Р. Фраерман, «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви», моя очень любимая книжка, помните, какая она синенькая, на обложке нарисована девочка в шубе и шапке. В северный городок, где жила девочка, приехал ее отец, и девочка полюбила мальчика, сына папиной жены, и все это было ей трудно и прекрасно... У вас была такая книжка? Или у вас новое издание?

Дорогие читатели. Моя душа кажется мне такой сложной. Чужая душа тоже, конечно, сложная, но наверняка не такая сложная, как моя... Ох. Кажется, звучит крайне эгоистично, да?..

Собственная душа кажется нам такой сложной, как мозаика в детском калейдоскопе, – там так много разных цветных стеклышек, то один причудливый рисунок сложится, то другой. В нашей душе все перемешано, и каждое движение нашей личной души так необычайно многогранно – мгновенные желания, потаенные мотивы, тени, блики, нюансы... то мы так чувствуем, то вдруг иначе, то еще что-нибудь вмешалось и внезапно переменяло все...

Ну, а чужая душа кажется нам небольшой такой полочкой, где аккуратной стопкой уложены несколько простых побудительных мотивов – мотива два-три, не больше...

К тому же ведь это мы бываем неверно поняты, а вот чужие побуждения, они же нам совершенно ясны...

Глава 1

Даша

1 сентября, понедельник

Первое сентября у всех нормальных людей всегда начинается одинаково. Первого сентября всякий нормальный человек идет учиться или учить. Первого сентября всякий нормальный человек вспоминает, что он сегодня читает лекции, тщательно одевается и вдруг обнаруживает себя в пиджаке, юбке и полосатых носках, – пиджак и юбка, потому что лето кончилось и лекции, а полосатые носки, потому что только что было лето, носки, шорты и кепка. «Где же хоть какие-нибудь колготки, хотя бы со стрелкой?!» – думает всякий нормальный человек. Потом он думает:

«А-а, ладно, сейчас надену туфли на голые ноги, на первой лекции скажу несколько умных и добрых напутственных слов без колготок и быстренько отпущу студентов в буфет... и сбегаю в Гостиный двор и куплю себе колготки для оставшихся лекций».

Это раньше у меня так начиналось первое сентября, когда я была преподавателем университета. У-у-у!!.. Доцентом, кандидатом наук. А-а-а!!

Кто говорит, что штамп в паспорте ничего не значит? Ха-ха. Штамп в паспорте очень даже значит – я, например, с сегодняшнего первого сентября больше не преподаю в университете. Ушла из университета, чтобы всегда быть под рукой, если вдруг понадобится, – как настоящая жена со штампом в паспорте.

А если бы не штамп, я бы сейчас неслась из аудитории в аудиторию, по дороге читала лекции, принимала зачеты, экзамены тоже... А если штамп, то совсем другое дело – первая лекция уже началась, а я лежу в постели. Лежу в постели, смотрю на свою куклу. Не то чтобы я до сих пор играю в куклы, просто она сидит напротив меня, моя старая кукла с розовыми ватными ногами, в голубом ситцевом платишке с порванными кружевами, на ней бриллиантовое кольцо. Колье вчера подарил Андрей, безо всякого повода, просто так. Я еще бирку не оторвала, на бирке написано – бр. кольцо, вес, каратность... И где он его взял? Купил по дороге в универсаме вместе с сосисками? Зачем мне бр. кольцо, все в розах и завитушках? Положено, наверное, раз уж я домобогатка...

Я – домобогатка. Кажется, это по-украински. Я домобогатка. Красиво, правда? Означает домохозяйка.

Я – доцент-домобогатка. Доцент – это и должность, и звание. На должность назначают, а звание дают навсегда. Я была и должность, и звание. Так что доцента у меня никаким штампом в паспорте не отнять.

...Андрей лежит рядом со мной – это счастье. Это очень большое счастье... Это – очень большое счастье?

Вот что он лежит, смотрит в потолок?.. Что у него там, на потолке, – акции, фьючерсы, брокеры, дилеры?..

– Обними меня, – нежно сказала я.

– Зачем? – спросил Андрей.

Действительно, зачем?..

Моя подруга Алена про своего мужа Никиту в таких случаях говорит «у-ух, скотина лысая». Это она нежно говорит, когда только делает вид, что злится. А про Андрея не скажешь

«скотина лысая», он не лысый, и все такой же красавец, как пять лет назад, когда мы поженились и он обнимал меня каждое утро без склок и дополнительных указаний. А теперь вот – «зачем?»... Правильно Алена говорит про Никиту «у-ух, скотина лысая».

– Говорят тебе, обними, – все еще нежно, с затаенной злобой, повторила я, – ты меня любишь?

– Глупый вопрос.

Да?.. А хотя да... Я как доцент и психолог сама сто раз объясняла людям никогда не требуйте от партнера признаний в любви, не вынуждайте к нежности, не заставляйте, не шантажируйте, не, не, не... в общем, ведите себя тихо как мышка, и тогда все сами придут и сами все вам дадут. Сами скажут «люблю», сами подарят гиацинты, и творог с рынка, и духи «Vulgari», и все остальное, кому что надо. Я, например, мечтаю, чтобы Андрей приносил мне мармелад, какой я люблю – красный и зеленый. А он вместо мармелада все время приносит цветы – не так уж и давно это было, всего полгода назад. Но я молчу и жду мармелад – не требую, не вынуждаю, не заставляю, просто жду, – я же все-таки психолог.

Моя профессия вообще очень выгодная. У меня такая профессия, что я могу использовать ее и не будучи... в общем, не работая по специальности. Психологию можно применять на практике дома. А бывают невыгодные профессии – высшая математика, физика твердого тела, органическая химия, их нельзя дома применять на практике. Человек вышел замуж, ушел с работы, стал домобогаткой – и все, он уже профессиональный ноль. Или продавец в продовольственном отделе, что он может каждый день дома подавать на завтрак – яичницу, йогурты? Или человек, который проводил презентации кастрюль «Цептор», – он же не будет начинать каждое утро с презентации кастрюль самому себе и близким? Ну, еще один-два раза куда ни шло, а потом что?.. Андрей тоже находится в незавидном положении. У него деревообрабатывающий завод, разве это выгодная профессия? Он же не сможет перерабатывать дерево, если его завод вдруг куда-нибудь испарится...

Так что в сравнении с продавцом, физиком твердого тела, органическим химиком и деревообрабатывающим заводом мои дела весьма неплохи. Я могу применять психологию на практике дома. И остаться профессионалом.

...Андрей лежит, смотрит в потолок, наверняка думает о деревопереработке. Тогда я так: – Знаешь что? Не знаешь? А я... а у меня... а у нас будет ребенок.

Честное слово, я не сумасшедшая, хотя все сумасшедшие утверждают, что они нормальные. Не знаю, почему я это сказала. Что будет ребенок. Просто хотела, чтобы он обрадовался до смерти или хотя бы удивился.

– Нет, – решительно сказал Андрей, – пока достаточно... Я вчера уже дал двести долларов.

Кого достаточно, на что двести долларов, кому двести долларов, может быть, у него вторая семья, а я не знала?

– Но... ребенок же будет, – вразумляющим тоном повторила я.

– Ну и что?.. Купи телячью отбивную, торт с вишнями, – сказал Андрей.

Зачем ребенку сразу же торт с вишнями, не говоря уж о телячьей отбивной?

– Ты что, не рад? – прошептала я.

– А чему я должен радоваться? – мрачно сказал Андрей. – Я видел Муру вчера вечером. Дал двести долларов на шляпку. Со вчерашних двухсот долларов я еще не соскучился.

Ах вот оно что. Андрей подумал, что «у нас будет ребенок» означает не беременность, а торт с вишнями и телячью отбивную. Подумал, что придет Мура. Про Андрея Андреича он не мог бы подумать «придет ребенок», потому что в три года люди еще живут дома. А Муре уже 19 лет, и она живет отдельно. Мы ее видим нечасто, очень редко, иногда даже не каждый день.

– Двести долларов на шляпку? А какую шляпку?

Андрей молча пожал плечами.

Молодец Мура, хорошая девочка, я только на минутку вышла, а она уже успела выпросить деньги на шляпку... Но зачем Муре шляпка? Вообще-то моя мама запрещает нам с Мурой и Андрюшечкой быть на солнце с голой головой. Но сентябрь в Питере не то чтобы очень жаркий.

...Мама и в мороз тоже запрещает нам ходить с голой головой, и в дождь. Кстати, она всегда мне под зимнюю пуховую шапку надевала платочек, беленький, и у меня из-за него развился комплекс, что я «зима-лето попугай, сиди дома не гуляй»... Ей и сейчас бы хотелось, чтобы мы все на всякий случай всюду были в платочках...

– Мура сказала, ей срочно нужна шляпка для занятий в анатомичке, – уважительно сказал Андрей, – сказала, двести долларов, не меньше.

...Ха. У Муры давно нет анатомички. Мура надеялась, Андрей не заметил, что она уже на третьем курсе. Мура не знает, где у человека печень, справа или слева, потому что анатомичка была очень давно, на первом курсе, но зато она умеет строго сказать «Откройте рот!».

– Кстати... А где ребенок? Я имею в виду Андрюшу, – уточнил Андрей таким озабоченным голосом, как будто у нас много детей, а он их нянька и никогда не спускает с них глаз.

– Андрей Андреич сегодня первый раз пошел в первый класс, – торжественно сказала я, – с ранцем и гладиолусами.

– Ему же только три года, – удивился Андрей, – разве сейчас?.. уже идут в школу?.. так рано?

Да, сейчас уже. Этот детский сад, в который я сегодня к девяти часам отвезла Андрюшу и уже успела вернуться и снова лечь в постель (а куда же мне ложиться, если на лекцию не нужно?)... так вот, этот детский сад ничуть не легче первого класса. Это не простой детский сад, где когда-то простая Мура водила хоровод и кидалась формочками, это элитный детский сад. Элитный Андрей Андреич будет есть элитную кашу, элитно танцевать и элитно писать палочки на английском, французском и немецком. Пятьсот долларов в месяц за кашу и др., за палочки на иностранных языках дополнительная плата.

– Хорошо, – кротко сказала я, – а если я совсем другое имела в виду, не Андрея Андреича, не Муру, не двести долларов на шляпку? А что у меня будет ребенок?

– Загляни в паспорт, – посоветовал Андрей. И небрежно улыбнулся – так улыбаются ребенку, который пытается рассмешить взрослых анекдотом.

– В чей паспорт? – удивилась я.

– В свой, малыш, в свой... ты ведь уже... как это говорят?.. Бальзаковская женщина? – сказал Андрей и ушел на работу прямо с кровати.

То есть вскочил, и через пять минут его уже нигде не было, ни в ванной, ни на кухне, нигде.

Андрей ушел, а Лев Евгеньич и Савва Игнатъич, наоборот, пришли, – не то чтобы я не могу побыть одна, просто чувствую себя немного одиноко. Тем более они раньше со мной спали, до Андрея.

– Что, уже в постели? Фу, какая грязь, – брезгливо сказал Андрей, как будто он впервые нас видит. А я думала, он ушел.

– И ничего не фу, и ничего не какая грязь, а просто... ну, лапы, – с достоинством объяснила я, – это же звери.

Не то чтобы они не могут побыть одни, просто чувствуют себя немного одиноко... Савва прощально мяукнул Андрею и улегся со мной на подушку, а Лев Евгеньич солидно расположился поперек кровати, потому что он не какой-нибудь кот, а серьезная собака-защитник, черный боксер в бриллиантовом колье. Я сначала примерила бр. колье на Савву Игнатъича, ему не очень идет, он серенький. Потом на Льва Евгеньича, на черном бр. колье смотрится неплохо.

Ах вот как?.. Я – бальзаковская женщина? Обидно... А ведь я не простая бальзаковская женщина, то есть не простой человек, а психолог. У меня есть настоящее психологическое оружие – тапок. Я им машу в ярости, для устрашения, а также в минуты бессилия и др. Сейчас вообще могла бы прекрасно дать ему тапкой – за то, что он намекнул мне, что я... что я... за то, что он не читал классику, вот за что. Бальзаковская женщина – ха-ха! Я лично прекрасно помню этот роман. Так вот, роман называется «Тридцатилетняя женщина». А мне уже было тридцать.

Кстати, современная бальзаковская женщина немного старше. Думаю, ей лет 65–67.

Звонок, – ура, Андрей! Сейчас скажет, что он меня любит, сам скажет, – вот что значит тонкий профессиональный психологизм!

– Бездельничаешь? – спросил Андрей. – Выгони, пожалуйста, Льва и Савву из кровати.

– Ну почему же они в кровати, они не в кровати, они на кухне, завтракают, – фальшивым голосом сказала я, – а я не бездельничаю, а наоборот, работаю. Знаешь, писатель может работать и лежа, – и я как раз очень занята, обдумываю новую книжку. Там будет...

– Мне некогда, – прервал он, – у меня в кабинете на столе лежит синяя папка, найди там договор и прочитай мне его, только быстро... давай, давай, сделай хоть что-нибудь полезное!..

Вот так всегда. Андрей не прочитал ни одной моей книжки, считает, что я пишу романчики типа «Любовь и кровь», «Страсть и измена» и т. п. Это неправда, моя последняя книжка называлась «Любовь и измена».

...Папку я нашла, но не сразу. Сначала нашла другую папку – в ней были странные счета – на канцелярские принадлежности и детскую одежду. Что это – ручки шариковые 400 штук, парты 100 штук? Платья, брюки, рубашки, свитера – тоже в промышленных масштабах... Я, конечно, не рассматриваю чужие документы, но там было очень много счетов, за несколько лет. И еще там были какие-то письма. Я, конечно, не читаю чужих писем, но они как-то сами прочитались. Там, в этих письмах, были детские рисунки, и почти на каждом написано «спасибо».

Я продиктовала Андрею по телефону цифры из его договора и спросила:

– А почему ты скрываешь от меня, что содержишь детский дом?..

– Я?.. Я не скрываю, я просто не говорил... И ничего я не содержу. Я так... просто иногда покупаю, что им надо... – сказал Андрей, – а зачем рассказывать?

Нет, никогда я его не пойму, никогда. Я бы на его месте всем рассказала, не из желания похвастаться, что я такая благородная, а просто так, чтобы все знали. И может быть, меня ежегодно приглашали бы на Петербургский бал дам-благотворительниц... А он – зачем рассказывать?.. Наверное, не хочет быть дамой-благотворительницей...

* * *

Звонок.

– Сегодня ветер – ребенок в шапке? А Мура звонила – она в шапке? – тревожно, без пауз, спросила мама.

– Все в шапках, – сказала я, – и Лев Евгеньич и Савва Игнатьич не замерзли, лежат под одеялом, держат ноги в тепле...

– Звери меня не интересуют. Ну, а ты чем занимаешься? – совсем другим, расслабленным, голосом спросила мама. – Бездельничаешь? У тебя есть что-нибудь почитать? А?.. Почитать? Новенькое? А?..

– Ну почему же бездельничаю... Сажу за компьютером, сочиняю сюжет для следующей книжки. Хочешь, я дам тебе почитать мою новую книжку? Она еще не вышла, но у меня есть сигнальный экземпляр. Ты сможешь прочитать ее самая первая, хочешь?..

– Опять про любовь? – подозрительно спросила ма-ма. – Спасибо, лучше я прочитаю ее вместе со всеми читателями, как-нибудь потом. Эти твои любовные истории...

Мама считает, что у меня есть небольшие способности, которые я растрчиваю зря. Что я должна писать социальные романы из жизни сталелитейного цеха или птицефабрики или военные эпопеи, а не женские истории про любовь. Моей последней книжкой она была особенно недовольна, потому что у нее уже совсем закончилось терпение, а я опять не осветила социальных проблем. Но я же не виновата, что никогда не была на птицефабрике, в сталелитейном цехе и на войне!..

– Ма-ама, ну почему, почему?!.. Почему ты так презрительно относишься к моим любовным историям? Разве любовь...

– Потому что не может быть любви вне социального контекста. Потому что в жизни самое важное – труд. Труд даже из Муры может сделать человека.

... Неужели даже из Муры?..

– У меня вопрос, – сказала я. – Как ты думаешь, раз уж я теперь не работаю, может быть, мне родить ребенка?.. Что ты сразу кричишь? А что, разве нельзя родить в тридцать семь лет?.. Ой, мама!.. Ну хорошо, в тридцать восемь. Это у тебя предрассудки, прекрасно люди рожают и в пятьдесят восемь, во всяком случае, одна женщина в Австралии родила... Что? Не хочешь об этом говорить? Не хочешь даже слышать об этом?

– В твоём возрасте при беременности обостряются хронические болезни, особенно болезни почек, – обморочным голосом сказала мама.

Все девять месяцев, что я ждала Андрюшечку, мама жила с трагическим лицом, а все потому, что у меня в раннем детстве один раз был плохой анализ, и вот уже лет тридцать мама считает, что у меня хронический пиелонефрит.

– А у меня нет ничего почитать, ни-че-го, – мстительно сказала я.

– Новая Маринина, случайно, не вышла? – с надеждой спросила мама. – Или новая Улицкая, или новый Акунин?

– Нет. Зато вышел новый Чехов, новый Толстой и новая «Сага о Форсайтах», – ехидно сказала я и почувствовала, как она огорчилась там, у телефона. – Ну ладно, есть у меня кое-что для тебя... У меня есть новая Маринина.

– Правда?! Новая Маринина?! Толстая? – с придыханием спросила мама. – Двухтомная?!.. Тогда я бегу к тебе.

Максим

Многие великие люди всю свою жизнь вели подробные записи, фиксируя каждый прожитый день. Я великий человек, чтобы придавать значение каждому своему впечатлению, но... Ну вот, slips, типичная оговорка по Фрейду, – вместо «я не великий человек» случайно подумал «я великий человек»!.. Я не великий человек, но желание письменно зафиксировать свою личную историю придает большую осмысленность жизни. Если бы я вздумал вести дневник, я бы начал так – уважаемые читатели, вам, конечно же, не терпится узнать все мои мысли, понять все мои душевные движения. Так вот, – не расскажу, слишком уж это тонкая материя, и вообще, это будет слишком. Кое-что – пожалуйста, мне не жалко. Но предупреждаю, что я буду себя приукрашивать... почему именно эти мысли посетили меня, когда я, прихватив Юльку за руку, сходил с трапа самолета?.. На самом деле даже в юности, на пике интереса к собственной персоне, мне не приходило в голову вести дневник. Хотя я думаю, у меня получилось бы неплохо и мое произведение не стало бы скучным перечислением событий, ведь я постоянно отслеживаю свое психологическое состояние, веду беседы о себе с самим собой, – а с кем же мне еще беседовать?..

– Юлька, – сказал я, – это Россия, твоя историческая родина. Это самое лучшее место на свете – Питер.

И объяснил, что означает историческая родина и почему Питер самое лучшее место на свете. Я сознательно всегда разговариваю с ней, как со взрослой, – ращу себе друга и собеседника. А Полина с ней сюсюкает – когда, конечно, вспоминает, что она есть. По-моему, Полина каждый раз немного удивляется: ой, надо же, а у меня есть дочь, какая миленькая!..

...Когда я протянул паспорт в окошко на паспортном контроле, я... наверное, я все же был в некоторой прострации. А как вы думаете, – это же огромный стресс, прилететь в Питер после шести лет отсутствия. Прилететь домой.

Протянув паспорт в окошко, я машинально поднял глаза, внезапно увидел чье-то лицо и вдруг почувствовал какую-то необычную растроганность, волнение, нежность... Лицо было милое, родное, несказанно приятное мне... и только через несколько секунд я понял, что это мое собственное лицо – отражение в зеркале над окошком паспортного контроля.

Полина спросила, где список багажа. Она умеет путешествовать, у нее всегда два списка – один на крупные вещи, другой на ручную кладь. Не то чтобы мы много ездили в большие путешествия, Юлька же еще малышка, но внутри штата ездили довольно много, и я не помню, чтобы она хоть раз что-то забыла, даже какую-нибудь Юлькину игрушечную мелочь.

– Ты меня любишь? – вдруг спросила Полина, когда мы прошли паспортный контроль.

– Глупый вопрос. Как будто у меня есть варианты ответа, – улыбнулся я и машинально погладил Юльку по голове. Вот кого я люблю, Юльку – папину малышку, Юльку – папино солнышко!

Странно, почему Железного Феликса вдруг потянуло на лирику? Неужели Полина, человек далеко не такой тонкой душевной организации, как я, тоже нервничает?.. Моя ответная улыбка получилось немного пренебрежительной – я не выношу разговоров о любви. О любви лучше всех сказал... не помню, кто именно, но сказал он так: «Смысл любви состоит в том, чтобы с трудом отыскать бабу, которая органически не способна тебя полюбить, и бухнуть в нее все: душу, мозг, деньги, нервы». Лучше не скажешь, – как будто это сказал я.

– Я вернулся в мой город, знакомый до слез, – сказал я, – ты понимаешь, что я шесть лет не был дома?!

– Возьми тележку, – велела Полина. – Пятнадцать. Лично я не была здесь пятнадцать лет. В два с половиной раза больше.

Ну вот, так всегда. У Полины всегда всего больше. И ей всегда больше всех надо – в прямом смысле. Она даже в самолете просит сразу два стакана воды. Если бы это было возможно, у нее было бы два паспорта, а лучше три. Еще у Полины всегда все лучше всех, все хуже всех, все сложнее, чем у всех. Она не виновата, что все время сравнивает, – такова ее натура. Полина даже в ресторане, прежде чем начать есть, бросает быстрый взгляд на мою тарелку и сравнивает – ее кусок мяса больше, чем мой, – тогда хорошо, меньше – плохо.

Уже через несколько минут пребывания на родине нас обхамил таможенник. Но тут дело не в стране. Русский, пахнущий потом, таможенник ничуть не хуже и не лучше своего черного американского собрата, безудержное хамство и дурной запах и там, и здесь...

– Полина?.. – позвал я. – Этот мир, как и тот, полностью прогнил, не осталось ни капли интеллигентности, добродушия... Единственное доброе и светлое, что осталось в мире, – это я. Ты как считаешь?

Полина промолчала.

– Юля, скажи маме, что я шучу, – настаивал я.

– Джулия, скажи папе «ха-ха-ха», – отозвалась Полина.

Не подумайте, что мы ругаемся, просто это наш стиль.

Приходится самому смеяться собственным шуткам. ЖФ (Железный Ф, сокращенно) раньше хохотала, до икоты, а последнее время (интересно, когда же это началось?) не реаги-

рует ничем, кроме раздражения, как будто у нее выключился механизм, отвечающий за чувство юмора. Меня спасает только то, что я удивительно, на редкость остроумный, такой, что даже самого себя могу рассмешить. Приятно шутить с умным, понимающим тебя до самого доньшка человеком – самому себе пошутить, самому себе посмеяться...

– Приятно, когда тебя встречает «мерседес» с водителем и охранником, – довольно протянула Полина.

Это Полинина «принимающая сторона» расщедрилась и пускает пыль в глаза. Предложили ей на выбор «мерседес» или «ниссан», она выбрала «мерседес».

– Ты тянешься к красивой жизни, Полина, а у твоего охранника лысина и кривой нос, – прошептал я.

Для Полины наш визит в Россию – супершаг в ее карьере, а для меня, для меня?!..

Я знаю, я чувствую, что этот мой приезд – точка бифуркации. В теории нелинейной динамики «бифуркация» означает момент в эволюции системы, когда ее устойчивое, предсказуемое развитие заканчивается и она вступает в период поиска нового направления развития. Перед системой возникают несколько альтернативных сценариев развития, или образов будущего. Так и для меня – жить по-старому я уже не хочу, а как жить по-новому, еще непонятно. Но в точке бифуркации все может пойти по-другому вследствие крошечного внешнего воздействия, и я убежден – что-то меня здесь ждет! Есть во мне сейчас что-то такое, что больше не позволяет мне, тридцативосьмилетнему, ходить в американских коротких штанишках.

...Да, я приехал сюда при Полине – как муж, при Юльке – как папа, вернее, как мама. Но я же сам этого хотел.

– Как ты думаешь, – спросила Полина, – я смогу завтра же найти приличный джип?

– Ты всегда завтра же найдешь все, что тебе нужно, – заверил я, – как мать говорю и как женщина...

Опять приходится шутить самому с собой!..

Волнуюсь. Нервничаю. Бедный Макс, бедный маленький Мук...

...Квартира, которую для нас сняли, – у Техноложки, на Вережской. Это было мое условие – до Америки, в той, другой жизни я жил на Вережской. А Железному Феликсу было все равно, где жить, он же железный... Интересно, жива ли Дора, – она так классно варила кофе, вся округа годами ходила к ней в угловое кафе, это называлось «выпить кофе у Доры».

Я попросил водителя сделать крюк и проехать по Фонтанке до Летнего сада... Принесла случайная молва милые ненужные слова, Летний сад, Фонтанка и Нева... Когда мы проезжали Аничков мост, у меня защемило сердце... На Аничковом мосту я мальчишкой в воду плевал, а подростком целовался... Невский здесь – розовый и пахнет осенним дождем, моей юностью...

– Какой ты сентиментальный, подумаешь, Аничков мост! – обидно фыркнула Полина.

Скривила губы презрительно – грязно, бумажки летают... Грязно ей, видите ли... Бумажки ей, видите ли, летают...

– Ты что же, Питер не любишь?! – попенял я Полине.

– Не люблю, – ласково согласилась она, глядя на Невский, – я не хочу жить в Питере, я хочу жить в Америке.

В Полининых словах есть незамысловатая логика. Любить означает хотеть. Когда мы говорим «я люблю рыбу», мы же не имеем в виду, что мы любим ее привлекательным телом и чудными душевными качествами. Мы имеем в виду, что хотим ее съесть. Когда мы что-нибудь любим, мы хотим это использовать. А если мы любим человека – нам нравится его тело и душа, и мы хотим их использовать. А чтобы ему самому было хорошо, это нам по фигу.

– Некрасиво, матушка, это же наша родина... Ты хоть и Железный Феликс без сантиментов, а все же коренная ленинградка, – сказал я.

Иногда Полина обижается за Железного Феликса, а иногда нет, в зависимости от настроения. Сейчас – надулась, молчит, думает. Знаю я ее думы – в который раз как маньяк пересчитывает свои доходы. За эти полгода, что мы проведем в Питере, Полина получит кроме своей зарплаты стопроцентный бонус – конечно, при удачном завершении сделки. Ее зарплата – сто шестьдесят тысяч долларов. Стопроцентный бонус – это еще сто шестьдесят тысяч долларов. За этот год Полина получит триста двадцать тысяч.

Могу поручиться, что именно эти расчеты она сейчас и производит в уме: наш дом, то есть ее дом, стоит двести пятьдесят тысяч. За дом нужно выплачивать двадцать пять лет, mortgage – тысяча триста в месяц – из зарплаты. Пенсионный план 401К – из зарплаты. Ее долги за учебу – было сорок тысяч, сейчас осталось двенадцать – из зарплаты. Страховка – Полина тратит двести долларов в месяц, чтобы, если она умрет, я мог выплатить за дом и Джулия не осталась на улице. Мебель в кредит, две машины в кредит.

Надулась, молчит Скупердяйка Гобсековна, Медуза Горгоновна, – размышляет, куда ей вложить свой драгоценный бонус: выплатить долги за дом и учебу или начать играть на бирже.

А-а, да, как я мог забыть самое главное! Главный пункт Железного Феликса – отложить на старость. Полина методично копит. Часть денег ежемесячно исчезает в каких-то неведомых фондах – на Полинину старость.

...В Фонтанке в любую погоду темная вода... можно вспомнить опять, ах, зачем вспоминать, как ходили гулять по Фонтанке... Питерцы отличаются от других эмигрантов «лица необщим выраженьем»... Все люди как люди – просто скучают по родному городу или же нет, просто вспоминают родной город либо нет. И только питерский человек состоит с Питером в сложных неразрывных отношениях притяжения и отталкивания – обижается на него, болезненно доказывает что-то ему и себе, отвергает и не может оторваться, – в точности как с первой любовью, девочкой из десятого «Б», которую ты так никогда и не разлюбишь...

Полина

Я не могу сделать клизму. Ах, Питер, ах, самое лучшее место на свете, – а я не могу сделать клизму.

Подумаешь, Аничков мост!.. Подумаешь, Ленинград! Я уезжала из Ленинграда и не привыкла говорить «Петербург».

Когда я поступила в университет, я как раз и шла по этому их Аничкову мосту и была очень счастливая. Мне было семнадцать, и я так радовалась: теперь я в этом городе – своя! Я шла и широко, изо всех сил, махала сумочкой, у меня была такая красная сумочка на длинном ремне, польская, – в универмаге выкинули, я за ней два часа в очереди стояла. И во мне прямо все пело, – это все мое, и город, и эти кони на мосту, и все! И вдруг мне сзади кто-то шепчет, тихо так, как будто призрак. Я оглянулась, а это старушенция, тихая такая и темная, точно как призрак. Шепчет тихо так и строго: «Ты что делаешь, девочка?.. У нас так не принято!» И во мне тогда прямо все упало. Что я такого сделала, что у них не принято?! Сумочкой махала?! А почему старушенция сказала «у нас»? Откуда она знала, что я не у себя, а «у них»? Я и поняла – ничего я не своя, и это сразу видно, всем видно! Ну и ладно, ну и хорошо, а я всего добьюсь, буду у них своя! Фига тебе, старушенция! Так я тогда подумала.

Я не могу сделать клизму.

Мне нужен органический кофе. Я спрашивала родственников Максима, где продается органический кофе, они отвечали: «Да зачем вам какой-то органический, арабика прекрасный кофе». Они думали, я его пью, а я делаю кофейную клизму – каждый вечер, уже два года. Кофейная клизма – это самая лучшая очистка от тяжелых металлов и от шлаков. В Интернете органический кофе предлагают за тридцать долларов килограмм, это очень дорого.

Зато я нашла *јум* совсем рядом с домом и хожу туда на два часа до работы – с шести утра до восьми. Годовой абонемент в эту «Планету Фитнес» стоит пятьдесят две тысячи рублей, две тысячи долларов. Если разделить на триста шестьдесят дней, получается почти шесть долларов каждое посещение. Здесь все очень дорого, вообще непонятно, как они живут с такими ценами.

С восьми до девяти утра я лежу в ванне в клинике «Здоровье». Принимаю процедуру.

Клиника находится в том же здании, что и «Планета Фитнес», вход слева, второй этаж. В клинике все очень по-советски, ремонт плохой, оборудование старое. Но именно это меня и привлекло. В дорогом, как здесь говорят, гламурном, салоне с меня за все то же самое взяли бы в два с половиной – три раза больше. Я сравнивала стоимость каждой процедуры.

Клиника предлагает программу очищения организма. Вообще-то я скептически отношусь ко всяким таким нетривиальным методикам. Но все равно мне нужно что-то с собой делать – *јум* не поможет содержать организм в порядке после такой еды, как здесь.

Начинается этот курс очищения организма с компьютерной диагностики.

Диагностику проводил молодой врач, похожий на балерину, с вывернутыми носками и развернутой грудной клеткой, ему только пачки не хватало, чтобы стать маленьким лебедем. Неужели я могу поверить, что за минуту можно диагностировать состояние печени, почек, желудка? Это шарлатанство. Просто хотят выжать лишние деньги из необразованных людей.

– У вас все неплохо, вот только одно, – сказал врач, – очень высокий, просто зашкаливающий уровень психоэмоциональной усталости. У вас был стресс или, как у всех, диагноз – жизнь?

Я усмехнулась про себя на его лекцию о связи стресса с возникновением болезни, – кто же не знает, что психосоматика является причиной многих болезней. Я читала про это много раз.

– Вам обязательно нужно сделать очистку печени и почек.

Очистку почек и печени я делать не буду. Если у меня пойдет камень во время этой очистки, кто будет отвечать, балерун?

– В нашу программу входят мониторинг кишечника, скипидарные ванны, риабокс, водорослевые обертывания. Сейчас очень популярна колонотерапия.

Оказалось, колонотерапия – это когда вам важно и значительно ставят клизму за большие деньги. Спасибо! Я сама себе сделаю клизму.

Я не доверяю врачам, и вообще, я никогда не принимаю никаких процедур и никаких препаратов прежде, чем не изучу все подробно.

Я потом посидела в Интернете, сделала выписки. Мониторную очистку кишечника я не взяла, в Интернете написано, что многие гастроэнтерологи считают это вредным, поскольку вымывается флора.

Я сама составила себе курс – скипидарные ванны и обертывания. После обертываний потрясающая кожа. В Америке такая процедура стоит 20 долларов – хотя бы здесь выгода.

Скипидарные ванны – это методика Залманова. Суть методики в адаптационных резервах организма, возможности естественного самовосстановления за счет улучшения работы капилляров. Залманов, врач, который придумал скипидарные ванны, до восьмидесяти девяти лет сохранял работоспособность и умер у рабочего стола. Интересно, как это выглядело бы в моем случае – умереть в восемьдесят девять лет у рабочего стола? Я сижу в офисе (к тому времени у меня давно уже своя юридическая фирма), изучаю документы, которые принес мой младший партнер, и вдруг падаю лицом в контракт...

В Америке не применяют скипидарные ванны, так что надо воспользоваться, пока я здесь.

Вода в ванне желтая от скипидара. Ванна старая, потрескавшаяся. Я лежала в скипидаре и думала: спокойно, спокойно, волноваться не о чем. Чего мне волноваться, если в мою задачу

не входит принимать решения? Решение о создании совместного предприятия на базе этого их древнего фармацевтического завода будет принимать Совет директоров процветающей американской компании, а не я. Компания знает, что делает, а я всего лишь юрист, винтик. Чего мне дергаться, нервничать? Мое дело – аналитика.

О'кей, это не так уж и трудно – оценить активы предприятия, убедиться, можно ли из активов предприятия вывести одно подразделение, один цех или два. Посмотреть их помещения, понять, как использовать то, что есть, возможно ли в одном из зданий сделать офис, насколько нужно переоборудовать офисы, есть ли там, где надо, подъезды... Проследить, чтобы нам не нужно было платить чужие долги по электричеству, и так далее. Все это – куча работы, но это чисто техническая работа. Чего мне волноваться? Я один из лучших юристов в отделе, и у меня родной русский... И может быть, если я справлюсь, меня сделают Head International Counsel¹.

Но... меня прислали в Россию не потому, что я один из лучших юристов в отделе, и даже не потому, что у меня русский язык. А потому, что я из Петербурга. Поэтому я смогу сориентироваться на месте, найти экспертов, сравнить их компетентность, в общем, сделать то, что никто другой в отделе не сможет, а я смогу!

А я смогу? Сориентироваться на месте?.. Я здесь никого не знаю, ни одного человека.

Вот и нервничаю. Но я уже не та бедная невротичная девочка-идиоточка, как пятнадцать лет назад. Я больше не паникую, не дрожу, не боюсь. Я сразу же думаю – как решить эту проблему. И если I'm gloomy, как это по-русски – у меня душевный дискомфорт? В общем, если I'm gloomy, я так же поступаю, сразу же думаю – как решить эту проблему. Америка так меня закалила, что теперь из меня можно гвозди делать.

...Скипидарная ванна оказалась дороже, чем написано в прейскуранте, – на шестьдесят рублей, больше, чем два доллара. Это с меня взяли за пользование полотенцем.

Потом ко мне пришел врач, что-то такое со мной проделывал, какие-то пассы руками. Его прикосновения не были мне неприятны, он вообще ничего, хотя абсолютно не в моем вкусе. Он расспрашивал меня, как мне ванна, не хочу ли я выпить травяной чай. В Америке контакт с врачом как бы виртуальный, вроде ты – это не ты, а готовая схема. А этот балерун смотрел на меня, будто видел меня, именно меня. Он сказал: «Лучшая тактика предупреждения многих заболеваний – это стимуляция естественных защитных сил организма». Ну, с этим я, ладно уж, согласна. Но про полотенце я ему сказала – вообще-то это безобразие, вы должны предупреждать, что это платно!

...Ну и цены здесь! Все, абсолютно все дороже, чем в Америке одежда, услуги, еда! Продукты вроде все есть, но все равно, чего-то нет, – а кофе?!!

Где мне найти органический кофе, чтобы делать клизмы?.. Максим смеется, говорит – вернешься в Америку вся в шлаках и в тяжелых металлах. Говорит – давай я сам тебя назначу Head International Counsel... Ему все хиханьки, а я всего добыюсь, вот так-то.

¹ Начальник юридического отдела в компании (англ.).

Глава 2

Даша

19 сентября, пятница

День, состоящий из жутких историй, – как будто я еду на карусели и мимо меня проплывают картинки одна ужаснее другой.

Утром – жуткое одиночество. Андрей на работе. Андрей Андреич танцует на трех языках в детском саду. Мура празднует получение зачета. Мама читает Маринину, второй том. Лев с Саввой смотрят ток-шоу – телевизор сам включился, потому что Лев Евгеньич улегся на пульт. В университете без меня читают лекции.

А я одна – вместо того, чтобы быть вместе со всеми в аудитории. Так что очень хорошо, что у меня больше никогда не зазвонит телефон. И ни один человек в мире, ни один заведующий кафедрой не скажет мне:

– Экзамен переносится на завтра, на девять утра. Нет, никаких «немножко опоздаю» и никаких «быстренько приму и побегу», – примете нормально, я прослежу.

Или:

– Где зачетная ведомость?! Опять забыли на подоконнике в курилке?

Или:

– Вы не могли бы прочитать лекцию в субботу? Ах не можете? Ах вы в субботу играете Снегурочку у дочки в детском саду? Не врите, сейчас весна, к тому же ваша Мура уже студентка медицинского института. Придете и прочитаете как миленькая.

Или:

– И так далее.

Очень хорошо, что мне больше никогда никто этого не скажет. Очень хорошо, что я больше никому не нужна.

Очень хорошо, что я не преподаю, – ничто меня не отвлекает, и я моментально напишу новую книжку.

Думаю, я моментально напишу миллион новых книжек – раз уж у меня теперь так много свободного времени.

Еще хорошо, что я больше не преподаю, потому что мне скоро тридцать семь (было в прошлом году, а сейчас уже тридцать восемь). По возрасту мне уже грозила профессиональная деформация – это когда профессия накладывает на человека неизгладимый штамп. Я бы превратилась в училку, такую, с седым пучком на голове и в кофте...

Я – очень одинокая замужняя женщина, так что хотя бы буду поверять свои горести дневнику. Наверное, все же придется сесть за компьютер и начать эту новую книжку... а так хорошо было лежать в постели и думать, что я бедное милое одинокое существо.

...Бедное милое одинокое существо... У него очень много времени для творчества – оно же ушло из университета... Но сначала оно должно развлечься. Магазины, фитнес, обед с подругами, что еще?... Что-то еще можно, я забыла что... а-а, еще можно в бассейн и к косметологу.

Ни на какой фитнес я не пойду. Когда я была там в последний раз, год назад, тренер сказала, что некоторые члены группы валяются на своих ковриках в углу зала как ленивые тюлени и думают, что их никто не видит. Ленивые тюлени на своих ковриках в углу зала – это я.

Еще более глупо было бы думать, что я пойду в бассейн.

А что, если записаться на курсы французского или завести хомяка?..

Днем – жуткая история с Ольгой.

– Мне – больше – незачем – жить, – размеренно произнесла Ольга и тут же всхлипнула, – он меня не любит.

– Любит, он тебя любит, – сказала я, – он тебя очень любит!

– Сказал мне, чтобы я ему больше не звонила. Что я его проверяю. Что над ним все друзья смеются. А я ему нечасто звонила, как всегда, каждые полчаса. Я же его не проверяю, я просто хочу знать, где он.

– Антон тебя любит, – сказала я, – он просто защищает свою мужскую независимость.

– Он и так полностью свободен, – запальчиво возразила Ольга, – вчера опоздал на двадцать минут, а я ему ни слова, только говорю «ты что, хочешь, чтобы у меня был инфаркт?».

– Он тебя любит, любит, – горячо повторила я, – я точно знаю!..

– Да? – едко сказала Ольга. – Я ему предложила устроить поэтический вечер, почитать друг другу Бродского, как раньше... а он мне знаешь что сказал?! Вечером я уйду с друзьями. Пришли его друзья, и я говорю «поцелуй меня перед уходом и помни: если что, у меня будет инфаркт». А он так неохотно меня поцеловал, как будто стесняется... По-твоему, это что, любовь?.. Мне с ним страшно тяжело.

Ольге с Антоном страшно тяжело. Антону пятнадцать лет, а Ольга хочет, чтобы он был ее маленький ребенок.

На самом деле Антон – сын Ольгиного мужа. Мать Антона доверила его нам перед тем, как уехать навсегда в Америку. А Ольгин муж, отец Антона, – тренер по теннису и все время пропадает на корте. Ольга уже много лет одна с ребенком. За эти годы Ольга с Антоном прочитали и обсудили всю всемирную литературу, прослушали все оперы в Мариинке и посетили все абонементные концерты в филармонии, в Большом зале и в Малом. А теперь ребенок почему-то больше не хочет с ней ходить в театр и обсуждать книги. Не слушает Ольгу, не слушает Бродского, не слушает Чайковского, Моцарта тоже не слушает, даже Баха, – странно, уж Баха-то он всегда любил... Хочет гулять со своими друзьями, а не с нами.

Я целый час читала Ольге главу из книги «Как любить своего подростка», она конспектировала и довольно хихикала, – оказывается, у всех такие проблемы, не только у нее...

– Ну почему, почему я должна читать тебе книжки по телефону? Я бы и сама могла тебе все это рассказать своими словами, – наконец возмутилась я, – нет пророка в своем отечестве, вот почему.

Ах нет, оказывается, не поэтому. Ольга сказала, что я больше не преподаю, поэтому наверняка что-нибудь забуду, кое-что упущу из виду и все перепутаю...

Сразу вслед за жуткой историей с Ольгой жуткая история с Аленой.

– Все, – трагическим голосом сказала Алена и вдруг заверещала: – Положи трубку, положи трубку, положи трубку!

Я испугалась и послушно положила трубку. Через минуту опять раздался звонок. Оказалось, это было не мне, а на всякий случай – Аленины дети могут взять трубку, чтобы одновременно поговорить и со мной, и с ней.

– Все, – простонала Алена, – вот и все.

Я долго спрашивала, что именно «все», – в магазинах закончилась плетеная мебель, плохо положили кафель? Но Алена только стонала как привидение.

– Мне тридцать восемь лет, – наконец призналась Алена.

– Тридцать девять, – поправила я.

Я просто уточнила, а может, у меня окончательно испортился характер. Когда человеку никто не звонит, кроме мамы, Муры, Алены и Ольги, с ним могут произойти личностные изме-

нения – на почве одиночества и чувства социальной ненужности никому, кроме мамы, Муры, Алены и Ольги.

– У меня начался климакс, – сказала Алена, – ранний климакс. Мне всего тридцать восемь, а у меня климакс!..

Климакс!.. Бедная Алена, как это неприятно!

Алену все утро бросает в жар, так что она прямо горит.

– А у тебя нет температуры? – спросила я. – Ну, может, это просто грипп или ветрянка?

– Нет, климакс, климакс, – прорыдала Алена, – пот стекает с меня градом, я вся мокрая и красная!.. У меня ранний климакс!.. А как же Никита?!

– Ну... Никита ничего не узнает, если ты ему не скажешь. Только мы с тобой будем знать, ты и я... а он нет, не будет, – ласково сказала я.

– А как же быть с детьми?

– Ну... им мы тоже не скажем. Какая им разница, есть ли у тебя климакс? – удивилась я.

– Я совсем не этих детей имею в виду.

Аленины дети в этом году поступают в институт. Они мальчики.

– Я имею в виду, что я еще могла бы родить, – задумчиво сказала Алена, – а теперь как мне жить? Ужас, да?

Ужас, конечно, но все довольно быстро разрешилось.

Оказалось, это не климакс, а батареи. Оказалось, что под Алениной кроватью Никита сложил самые дорогие в мире батареи для дачи – две штуки. И зачем-то включил их в сеть перед уходом на работу. Проверить, наверное, хотел. Мужчины иногда совершают необъяснимые поступки, – зачем проверять, как работают самые дорогие в мире батареи? Даже я знаю, что они работают хорошо... Алена посмотрела на термометр в спальне – сорок два градуса.

За это время – пока не нашлись батареи под кроватью – мы успели записать Алену к лучшему эндокринологу, к лучшему гинекологу и в лучшую консультацию по искусственному деторождению.

Ближе к вечеру – жуткая история с Андрюшечкой. Воспитательница пожаловалась – он плохо себя ведет, ужасно и невыносимо, хуже всех. Все дети маршировали по кругу под «айн, цвай, драй», а Андрюша упрямо маршировал в направлении, противоположном общему движению.

– Все люди как люди, а он? Все люди строим нах рехт, а он нах линкс, все люди строим нах линкс, а он нах рехт, – ябедничала воспитательница.

– Простите нас, мы больше не будем, – пообещала я, – просто... понимаете, он весь в отца. Андрюша, обещай воспитательнице, что мы больше не будем нах рехт, когда все нах линкс.

– Мы будем, – твердо сказал Андрюшечка и выпятил подбородок, в точности как Андрей, – мой папа говорит «я строим не хожу». Оба мы с моим папой такие люди, которые строим не ходят.

Хорошо, что нас не выгонят из частного детского сада за пятьсот долларов, нах рехт и нах линкс за отдельную плату. Но в школе, как Андрюшечка с его папой будут учиться в школе?!.. В школе все-таки требуется дисциплина, послушание, нах рехт и все такое. Неужели придется отдавать ребенка в частную школу, где два человека в классе и можно совсем без дисциплины?.. Вот пусть и сидят за партой вдвоем со своим папой и вместе не слушаются учительницу... Ну ладно, это еще будет не скоро, может быть, школа изменится или они успеют перевоспитаться.

Вечером жуткая история со мной.

– Завтра суббота. Мама забирает Андрей Андреича на весь день. Хочет читать ему «Илиаду». Говорит, стыдно, что ребенок до сих пор не знает Гомера. А мы что будем делать? Куда мы пойдем?

– Куда хочешь, – рассеянно откликнулся Андрей, – куда хочешь, туда и...

Да? Отлично! Я очень много куда хочу!

– А я еду на рыбалку, – сказал Андрей.

Раньше у него всегда было одинаковое выражение лица – чудная улыбка, нежная, чуть застенчивая. А теперь у него бывает разное выражение лица – печальная усмешка, тоскливая полуулыбка, угрюмый взгляд, немой укор. На этот раз был немой укор.

– Когда?

– Завтра. В субботу.

Как завтра, как в субботу?!.. А я, как же я?..

– Семга, – значительно сказал Андрей.

Ну... ну, тогда конечно, раз семга.

Почему в субботу, почему, почему?!.. А я, а мне что делать? И в голове у меня заметалось: «Ольга или Алена, Ольга или Алена?»

20 сентября, суббота

Зачем быть замужем, если суббота по-прежнему начинается с размышления – Ольга или Алена?

Я хотела не отдавать Андрея Андреича маме, но мама пришла под предлогом накормить его оладьями и, как только я отвернулась, мгновенно исчезла с ним вместе. Унесла тайным коршуном. Будет читать ему «Илиаду» или Маринину, второй том... А я?

А я буду совсем одна.

Спела Андрею жалобным голосом детскую песенку:

– Я всю неделю жду воскресенья, у папы и мамы будет выходной, с утра и до вечера будет веселье... А потом знаешь что?

– Что?

– Папа уходит, у него дела, мама от дел оторваться не может, и я остаюсь на целый день одна... Неужели, в самом деле, не хватило им недели, им недели не хватило, чтоб хоть день побыть со мной?... – с выражением, как меня учили на уроках пения в детском саду, выводила я.

– Малыш, что это ты распелся? – сказал Андрей. И все.

Ему что, не хватило недели? Чтобы хоть день побыть со мной?

Сказала Андрею, что у нас сегодня будет родственник обед. У всех людей бывает обед с родственниками. Пусть попробует отвертеться.

– А когда ты приедешь? – спросила я. – Хотя бы к концу родственного обеда успеешь?

– Приеду.

– Отлично. Когда? К торту успеешь?

– Скоро. Дня через два.

Ах вот оно что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.